

Молодой человек из России в поисках следов истории семьи в Эйпене.

От Менделеева до «Везерского кораблика»

22 февраля 2018 г.

- Георгий Кёнеман во время визита в Кеттенис, где большой камень напоминает о его предке Фридрихе Вильгельме Кёнемане, умершем в 1840 году. Фото: Давид Хагеманн.

Почти 200 лет прошло с тех пор, как суконный фабрикант Виктор Александр Кёнеман оставил родные края и отправился искать счастья в далёкой России. Так началась история экономического успеха. «Лишь после Октябрьской революции в 1917 году она резко оборвалась», — говорит Георгий Кёнеман. Юноша приходится потомком этому рыцарю удачи и прямо сейчас ищет следы истории своей семьи в восточной Бельгии.

Автор: Мартин Клевер

Семь поколений отделяют Георгия Кёнемана от его предка Виктора Александра — и вместе с тем целая история. Но кроме того их различает маленькая буква «ё». Она не вписалась в кириллическое написание фамилии и со временем «потерялась». Поэтому сегодня в России есть люди с фамилией Кенеман, правда, увлечённый историей Георгий не захотел мириться с таким раскладом. «В 2015 году я подал заявление на изменение фамилии на Кёнеман — только в заграничном паспорте это пока не отразилось», — признаётся он.

Первый контакт с городом Эйпеном случился ещё в 2008 году.

Тот факт, что молодой человек сейчас оказался в Восточной Бельгии, стало возможно благодаря многолетним поискам и счастливому стечению обстоятельств. Ещё в 2008 году случились контакты между главой отдела администрации Эйпена по культуре Георгом Кремером и отцом Георгия Кёнемана Михаилом.

Впоследствии они писали друг другу и обменивались информацией. Когда недавно сын Георгий отправился учиться в Гейдельберг, несколько замедлившаяся переписка снова оживилась. У юноши вскоре созрела идея нанести визит на родину своей семьи. «Я решил непременно воспользоваться этой возможностью», — поясняет Георгий Кёнеман. В конце концов, от Баден-Вюртемберга, где он изучает перевод и переводоведение, до Эйпена не такое большое расстояние, как от Москвы, где он жил ранее.

Четыре дня он с Георгом Кремером ездил по Восточной Бельгии, знакомился с колыбелью своей семьи и составил себе впечатление о регионе, откуда его предки уехали в начале XIX века. «Тут красиво, город очень приятный. Особенно нравится, что он спокойный и небольшой», — считает Георгий. Помимо основных достопримечательностей Эйпена, начиная со здания правительства Немецкоязычного сообщества и заканчивая скульптурой «Везерского кораблика» на одной из площадей города, он посетил старую суконную мануфактуру в соседнем Вервье, остановился в районе Эйпена Кеттенис у памятного камня, посвящённого его предку, Фридриху Вильгельму Кёнеману. История семьи, которую буквально можно потрогать.

Исторический период, о котором идёт речь, по сей день мало исследован. Всё началось в 1785 году в Штольберге. Семья Пельтцеров, жившая там долгое время, оставила производство меди и переселилась в Вервье. В районе Одиамон Пельтцеры построили сначала красильню, а затем и суконную фабрику. Дело пошло на ура. Чтобы удовлетворить спрос на элитные ткани, по всему миру стали со временем открываться филиалы предприятия, например, в Буэнос-Айресе и в польской Ченстохове.

■ Сосредоточение русского музыкального таланта: На этом снимке видны Фёдор Фёдорович Кёнеман (второй справа), Александр Николаевич Скрябин (второй слева) и Сергей Васильевич Рахманинов (четвёртый справа).

Но почему история про Пельтцеров, а не про Кёнеманов? Всё дело в брачных связях. Адельгейд, дочь семейства Пельтцеров, вышла замуж за купца из Эйпена Фридриха Вильгельма Кёнемана. Именно их сын Виктор Александр в возрасте 20 лет решил покинуть родные пенаты и отправиться на поиски счастья в далёкую Россию. В селе Каблуково примерно в 50 километрах к востоку от Москвы он основал новую суконную фабрику. Два его брата, Эдуард и Альберт, последовали его примеру. Кёнеманы прочно обосновались в царской России, однако особенно больших успехов добился шурина Виктора Александра Наполеон Пельтцер. В Нарве, ныне — третьем по величине городе Эстонии, он основал предприятие, снабжавшее первоклассными тканями русскую армию и царский двор. Его влияние на экономику не осталось не отмеченным на высшем уровне. Царь Александр III несколько раз награждал Наполеона Пельтцера, кайзер Вильгельм I даже удостоил его дворянского звания.

«Мой дед мне ещё в детстве много рассказывал о нашей семье. Так что у меня давно появился интерес», – вспоминает Георгий Кёнеман.

Родословная российской ветви Кёнеманов со временем дала миру и многих других выдающихся личностей. Сын Виктора Александра, Фридрих Наполеон Кёнеман, работал главным инженером у Леопольда Кёнига, немецкого предпринимателя, который в середине XIX века приобрёл сахарный завод в Санкт-Петербурге и в кратчайшие сроки стал лидером рынка в России. Доминирование немецкого «сахарного короля» в то время было настолько всеобъемлющим, что и сегодня имя Кёниг считается синонимом сахара.

■ Фёдор Кёнеман был в начале XX века одним из выдающихся композиторов России.

Между тем карьеру совсем иного рода сделал Фёдор Фёдорович, представитель рода Кёнеманов третьего поколения. Родившийся в 1873 году, он стал одним из выдающихся композиторов России. Он занимал должность профессора в московской консерватории и сопровождал известного оперного певца Фёдора Шаляпина на гастролях по всему миру. Неудивительно, что такие биографии превращают семейные вечера в увлекательные беседы об истории. «Мой

дед мне ещё в детстве много рассказывал о нашей семье. Так что у меня давно появился интерес», — вспоминает Георгий Кёнеман. Со своими родственниками молодой студент пытается проследить историю своей семьи.

«Хорошо, что у нас дома сохранилось много документов и свидетельств, так что у нас есть возможность сразу связываться с родственниками даже дальних ветвей», — говорит он. Особенно активно исследованиями генеалогии занимается родственник с Аляски, который даже создал собственный сайт (www.keneman.com). Однако, несмотря на все виртуальные исследования, 22-летний молодой человек стал первым русским Кёнеманом за последние почти двести лет, кто добрался до Эйпена.

Члены семьи в настоящее время исследуют их общее прошлое.

- С него всё и пошло в начале XIX века: Виктор Александр Кёнеман тогда однажды уехал в Россию.

Впрочем, от былого экономического могущества эйпенских эмигрантов нынешним Кёнеманам в России мало что досталось. «Мы не богатые люди. Я бы даже сказал, вполне обычные», — говорит будущий переводчик.

Вполне состоятельными раньше были и представители линии Пельтцеров. Но и их богатство пропало в 1917 году, когда в ходе Октябрьской революции большевики захватили власть и конфисковали их имущество.

Кстати, о наследстве: выдающимися музыкальными способностями, которыми обладал один из его предков, Георгий Кёнеман оказался обделён. «Нет, на музыкальных инструментах я не играю», — качает он головой. Вместо этого нынешним Кёнеманам лучше даются естественные науки. Оба родителя юноши инженеры.

Быть может, примером тут послужил другой предок? «Вполне возможно», — посмеивается Георгий Кёнеман. Ведь по другой ветви он приходится правнучатым племянником не кому иному, как Дмитрию Ивановичу Менделееву, известному химику и изобретателю периодической системы.

■ В этом здании располагалось правление суконных мануфактур Пельтцеров. Отсюда сукно развозилось по всему миру. Даже в Буэнос-Айресе у семейного предприятия был свой филиал. Фото: из личного архива.